

06.91

Вертинский А.

Снимок сделан в конце 20-х гг. (Из архива семьи Вертинских. Публикуется впервые).

«Черная Роза»

лось, что почти все гости были знакомы между собой, слышалась речь на разных языках. Наконец появился Вертинский во фраке, о котором говорили в Берлине, как о шедевре парижского портного О'Россена. Его окружили, заиграл оркестр, и Вертинский открыл бал с Люсей Трумм. Танцевал он очень хорошо, а бы сказал, талантливо, как и все, что он делал.

С этого зимнего вечера началась моя ночная жизнь. Ужинал я почти всегда в пансионе Венгеровых. Вертинский часто звал меня в венское кафе «Кранцлер» на углу Курфюрстендам. Пили черный кофе с лимоном. Беседы эти, если можно так назвать монологи Вертинского, доставляли мне неизъяснимое наслаждение. Все, что он рассказывал (свои скитания, успехи, неудачи и женщины, женщины...), он излагал ярко, красочно, остроумно, в оригинальной неподражаемой форме и на совершенно изумительном русском языке.

Из кафе мы обычно возвращались в пансион, где Вертинский облачался во фрак, черное, в талию, пальто, надевал котелок и брал зонтик — цилиндр он носил только в особых случаях. Меня удивляло несоответствие личности и внешности Вертинского: русский поэт-декадент и эстрадный артист походил на корректного делового англичанина, каких можно было видеть на каждом шагу в лондонском Сити.

В «Черную Розу» мы шли пешком около 10 минут. Съезд начинался к одиннадцати ча-

30 января престарелый президент фельдмаршал фон Гинденбург передал власть в руки вождя национал-социалистов, поручив ему формирование нового правительства. Жребий был брошен.

После поджога здания рейхстага на страну обрушилась лавина арестов, убийств, бесчинств штурмовиков, ежедневных новых декретов и заплещений. Несколько дней спустя группа штурмовиков ворвалась в «Черную Розу». Ни Вертинского, ни Ани еще не было, я сам ждал их в пансионе.

Штурмовики, обходя зал, остановились перед одним столом и спросили даму, немка ли она. Получив утвердительный ответ, один из них окунул салфетку в ведро со льдом и, схватив даму за волосы, вытер ей лицо, посягнув, что немецкая женщина не должна краситься, как шлюха.

Мужчины сидели белые, опутив глаза. Какой-то брюнет за соседним столом вмешался, негодуя, и был избит. На следующий день инцидент попал в газеты: брюнет оказался итальянским дипломатом.

Вертинский, узнав о происшествии, ничего не сказал, на его лице появилось выражение гадливости, в тот же вечер он принял решение закрыть «Черную Розу».

В пансионе я узнал совершенно невероятную новость: Вертинский решил пока остаться в Берлине — Венгеровы предложили ему использовать принадлежащий им магазин на Аугсбургер-штрассе недалеко от Курфюрстендам. Помещение, состоявшее из большой комнаты с каморкой и уборной позади, было наскоро приведено в порядок, стены завесили коврами, взятыми напрокат, как и пианино. Соседний маляр изобразил у входа цветок с надписью: «Магнолия».

Я не мог понять, что побудило Вертинского после катастрофы с «Черной Розой» ввязаться в такое явно безнадежное предприятие. С первого дня было ясно, что при создавшейся конъюнктуре дело не имеет никаких шансов на успех. Через несколько дней все иллюзии были потеряны. Мы сидели вечерами, косясь на входную дверь, в ожидании клиентов пили белое вино и без конца курили. «Камерный кабачок», как его называл Вертинский, был обречен.

Вертинский был рассеян, туманно говорил об Америке, о каких-то новых возможностях.

На выражение недовольства он отвечал: — Мы все, русские люди, хотим развалиться на жизни, как на кушетке... Ну, что ж, проживем без ухвата.

Некоторые шумные и самонадеянные чем-то хвастались или гордились и тем вызвали сарказм Вертинского: подобно И. Бунину, он не терпел «удалых молодцов» и всех видов шапокалительства.

Наиболее испуганные, ничего не понимавшие в происходящем, сидели часами, пили минеральную воду и приводили нас в меланхолию. Меня политика не интересовала (в то время это было возможно), Вертинский же, полный презрения, говорил, что в ней понимают только те, кто ее делает, избирателей он называл стадом баранов.

Неожиданно я получил предложение работы, связанной с коротким пребыванием в Вестфалии. Я охотно согласился и, быстро собравшись, выехал на следующий день. Неделю спустя снова был в Берлине. Зайдя к Венгеровым, узнал, что «Магнолия» закрыта, а Вертинский накануне уехал в Париж.

Попав в Париж, я узнал, что Вертинский уже находился в Америке. Нетрудно понять причину его отъезда. Русская культура, быт и традиции, привезенные беженцами, как-то продолжавшими их сохранять, постепенно уходили, как уходили люди. Русская молодежь ассимилировалась и становилась чужой. Обманутые надежды на падение большевиков и уплату по «русскому займу» вызвали на Западе разочарование, отсутствие интереса: все русское вышло из моды. Из-за депрессии закрывались русские кабаре. Вертинский оставался без ангажементов, без успеха, без будущего.

Прошли года. После Нью-Йорка и Голливуда Вертинский, как указывает проф. В. Г. Бабенко, прожил восемь лет в Шанхае и в 1943 году, со своей молодой женой и ребенком, вернулся в Россию.

Круг замкнулся. Обойдя со своей песней весь земной шар, Вертинский, бродяга и артист, снова обрел Отчизну.

Евгений РЕЙС.

Воспоминания об Александре Вертинском, написанные русским литератором Евгением Рейсом, живущим в Париже, были опубликованы несколько недель назад в еженедельной газете «Русская мысль».

Эта крупнейшая газета русского зарубежья издается во французской столице с 1947 года. В ней печатались самые известные писатели и поэты русской эмиграции — Бунин, Шмелев, Тэффи, Солженицын, Бродский.

С 1968 по 1978 г. ее главным редактором была Зинаида Алексеевна Шаховская, которую сменила Ирина Алексеевна Иловайская-Альберти. Она возглавляет газету и поныне. Недавно скончался бессменный сотрудник редакции, хороший поэт и замечательный человек Кирилл Дмитриевич Померанцев.

Газету делают всего 22 сотрудника — от главного редактора до машинистки. Три четверти материалов на ее страницах приходит из Советского Союза.

«Русская мысль» выходит тиражом 22 тысячи экземпляров и распространяется во всем мире. Однако в беседе со мной ее сотрудники высказывали беспокойство, что газета не доходит до многих ее подписчиков в нашей стране.

Ю. КОВАЛЕНКО,

Париж. сб. корр. «Известий».

Вертинского

Германия переживала третий год экономического кризиса. Люди смутно ожидали каких-то событий, за тревожными днями следовали бессонные ночи, но, как и в начале 20-х годов, в мрачную эпоху проигранной войны и чудовищной инфляции, ночная жизнь Берлина была ключом. Дела Венгеровых пошатнулись, им пришлось продать в убыток пансион «Прагер Плац» и открыть новое, более скромное предприятие. Я продолжал их посещать.

Однажды я увидел Вертинского с молодой и привлекательной дамой, сидевших за хозяйским столом и что-то оживленно обсуждавших. Несколько дней спустя я столкнулся в дверях с Вертинским и Венгеровым-сыном. Последний представил меня, Вертинский задержал мою руку в своей и произнес, мягко картавя:

— Вы понравились одной женщине, она сказала: «Он бедный, но благородный». — Затем он пригласил меня к столу.

Вскоре появилась Аня Л., нарядная и душистая, с улыбкой в бедных глазах. Из разговора я узнал, что Вертинский переехал из Парижа в Берлин и в компании с Аней открывает «Черную Розу», третью по счету после Константинополя и Парижа, переименовав помещение бара «Ритц», вблизи Курфюрстендам, главной улицы Западного Берлина.

— Приходите на открытие, — сказала Аня. — Приходите завтра с Венгеровыми на мой концерт, — добавил Вертинский.

На следующий вечер родители Венгеровы, сын Миша и его сестра Милочка привезли меня на концерт. В переполненном зале, как я заметил, большинство зрителей были женщины.

Публика внимала певцу, затаяв дыхание, только в конце одну молодую женщину вынесли в истерическом припадке. После бесконечных, неистовых оваций Вертинский, бледный, серьезный, в цилиндре и черной пелерине на белой шелковой подкладке, с белым шарфом, переброшенным через плечо, медленно выходил, окруженный, как свитой, дамами в мехах и вечерних платьях. Сев в автомобиль, он уехал, дамы последовали за ним в двух или трех машинах.

Венгеровы повезли меня в «Ориент», ресторан, где Вертинский устраивал свой традиционный ужин, на который он всегда приглашал только дам. Войдя в зал, мы заняли места недалеко от Вертинского, сидевшего в большом кресле за столом, украшенным цветами. В высоких канделябрах горели розовые свечи, освещая белое от пудры лицо, крахмальную грудь певца и ареопаг его поклонниц не первой молодости, сверкавших драгоценностями и роскошью туалетов.

...Наступил долгожданный вечер открытия «Черной Розы». Я остановился на несколько минут у входа, наблюдая съезд гостей. Автомобили высаживали элегантных дам и солидных молодых господ. Подъехал белый «роллс-ройс», за рулем которого сидел чернокожий шофер, одетый в белую форму. Вышли несколько мужчин во фраках и вечерних пальто, появилась ослепительная красавица с серыми глазами, закутанная в мантию из шеншилей. Я увидел ее в гардеробной, уже в зеленом декольтированном платье. Аня меня ей представила, я поцеловал ее холодные пальцы с крупным бриллиантом. Красавица восклицала: «Китай, Китай!» На мой вопрос Аня объяснила, что это значит не «Китай», а «не таль», по-испански — «Как дела?» Окружавшие ее молодые люди были атташе посольства. Люся бредила Испанией, откуда она недавно вернулась. Звали ее Трумм, и была она родная сестра поэта Кусикова.

Судьба этой женщины была трагической: в день взятия Берлина Красной Армией она покончила с собой, выбросившись из окна.

В зале царил оживленный настрой, каза-

сам; многие приезжали после театра. У Вертинского был свой угловой стол, за которым сидели Аня, всегда в черном платье, и кто-нибудь из приглашенных. Мужчин, не одетых в смокинг, Вертинский не предлагал места за своим столом. Вообще он соблюдал декорум и этим сразу достиг того, что «Черная Роза» стала самым элегантным местом Берлина.

В характере многогранного человека, каким был Вертинский, преобладала его полная неспособность забывать себя. Это был не мелкий эгоизм, но опьяняющее сознание собственной исключительной личности, своего таланта и ума, искреннее убеждение в превосходстве над окружающими, все то, что он тактично никогда не показывал.

Он страстно любил красоту жизни во всех ее проявлениях: и в искусстве, и в природе, и в женщинах, и в вещах. Он наслаждался комфортом и роскошью, когда мог их себе позволить. Как любовно он показывал свои галстуки и шелковые халаты, удивительные чемоданы и большой сундук-гардероб, слышь обклеенные пестрыми этикетками экспрессов и отелей. Как художественно он описывал красоты России, Константинополя и Парижа.

Вспоминаю некоторые фразы Вертинского, обращенные ко мне или сказанные в моем присутствии. На вопрос, когда он сочиняет, он ответил: «Никогда. Разве вы не знаете слов Рихарда Вагнера: «Всякое творчество ссть исповедь».

И на тот же вопрос: «Всегда. Мои песни — это мои мысли».

— Меня понимают немногие мужчины и все женщины, — сказал он мне однажды.

Одна дама небольшого роста рассказывала, смеясь, что Вертинский называл ее «пробочка от флакона Шанель».

Он говорил о Л., огненно-рыжей красавице с изумрудными глазами, и о конце его романа с ней. После паузы он глухо добавил:

— Это была женщина-факел... она меня сожгла.

Рассуждали о дружбе.

— Слушая мои песни, можно понять, что я жил и живу только в мире женщин. Среди мужчин задушевных друзей у меня нет, разве только Ванечка Можухин, да и он хам и предатель.

Чем ближе я знал Вертинского, тем яснее создавалось впечатление, что женщины полностью занимали его жизнь, протекавшую от встреч до разлук и до новых встреч. Эти неизбежные сны приводили к разочарованию и разрыву с той или иной «ошибкой», после которого оставалась «тоска одна», никогда его не покидавшая.

Его слова: «Мне не нужна женщина, мне нужна лишь тема...», — безусловно автобиографичны. Вертинский не был сатиром, как его друг Можухин; для него обладание было средством для овладения женской душой, для романа, единственным героем которого оставался он один. Женщины, как тени, проходили одна за другой. Потери он преображал в стихи и песни.

Вертинского угнетали прозаичность и материализм европейских женщин, их холодная расчетливость и неискренность. Он отдавал должное их культуре, подчас живому уму и технике умения нравиться. Вне России только в Польше он нашел женственность, грацию и какое-то опасное очарование.

Дни катились за днями. Политическое напряжение в стране в эти дни утихло, и встреча Нового года прошла в «Черной Розе» бурно и весело. Вертинский не пел, много танцевал и чувствовал себя, как гость. Аня была в чудесном черном платье из панбархата, спереди закрытом до подбородка, с обнаженной до талии спиной.

В полночь шумно пили шампанское за счастливый наступающий 1933 год...

Былое

Это было в Берлине, в 1928 году. Я жил недалеко от русского пансиона «Прагер Плац».

При пансионе был ресторан, куда я иногда заходил пообедать. В тот день, закончив свою трапезу, я курил в одном из двух смежных салонов. Сквозь арку виднелся рояль и сидевший за ним человек. Он трогал клавиши, что-то напевал, потом записывал карандашом на листе бумаги. Его внешность привлекла мое внимание. Это был мужчина лет под сорок, очень холерный, с небольшой головой и коротко стриженными и гладко причесанными пепельными волосами. Его худое выбритое и припудренное лицо было бледно. Углы тонких губ опускались вниз. Я обратил внимание на его голубую рубашку из тонкого батиста с подкрахмленным воротничком, необычную в то время в Германии, где за цветное белье увольняли бановских служащих.

Когда он, окончив писать, встал, мне бросились в глаза его высокий рост и покров его серого двубортного костюма, несомненно, от первоклассного портного. Он вышел, обменявшись в дверях несколькими словами с хозяйским сыном. — Миша, — спросил я, — кто этот господин? — А ты не узнал? Это Вертинский.

1981

«НЕДЕЛЯ» № 22 (1626). 1991 г.